

где меня убьют». Гучков (да и не только он) утверждал: Столыпин считал, что убьёт его агент «охранки». (Впрочем, нельзя не учитывать, что Гучков был недругом царя и царицы.)

Охладел к Столыпину и царь. Когда революция была в разгаре, он видел в Столыпине чуть ли не спасителя Отечества. Но когда усилиями того же Столыпина революционный пожар был погашен, монарху и многим из его окружения стало казаться: страхи преувеличенны, происходили лишь беспорядки, которые можно было подавить, действуй правительство круче и жёстче. И тогда не нужны были бы уступки в виде реформ, лишь поколебавшие традиционный для России самодержавный режим.

Постепенное нарастание недоброго к себе отношения Столыпин прекрасно чувствовал. Теперь он нередко раздражал царя своими новыми реформаторскими советами и рекомендациями или настояниями убрать Григория Распутина... Даже сам внешний вид всегда подтянутого и делового премьер-министра лишь усиливал это раздражение.

Постоянное нервное напряжение сказалось на здоровье Столыпина, усиливалась стенокардия. И в марте 1911 года он подаёт в отставку. Царь тогда не принял её, тем не менее её вероятность «висела в воздухе».

Первого сентября 1911 года в Киеве проходили большие торжества, посвящённые 50-летию отмены крепостного права в России. Центральное событие — открытие памятника Царю-освободителю Александру II. А вечером Киевский театр показывал с блеском поставленную оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». На торжество прибыл царь с младшими дочерьми. Второе место на этом юбилее по праву должно было принадлежать Столыпину — прямому продолжателю реформы 1861 года: то, что не смогла выполнить она (дать землю освобождаемым крестьянам), теперь осуществлял Столыпин.

Действительность же выглядела так, как о том рассказывал Столыпин министру финансов В. Н. Коковцову: словно бы его, премьер-министра, и не приглашали на киевский праздник, в царском кортеже места Столыпину не нашлось. (В это трудно поверить, но, по некоторым воспоминаниям, ему якобы вообще не подали отдельного экипажа и пришлось нанимать извозчика.)

...Итак, в Киевском театре идёт опера «Сказка о царе Салтане». Второй антракт.

Царь с дочерьми находился в ложе, а Столыпин стоял в партере, повернувшись спиной к оркестровой яме, рядом — министр Двора В. Б. Фредерикс и военный министр В. А. Сухомлинов. Некто Богров вошёл в театр и быстрыми шагами двинулся по проходу. Столыпин, кажется, заметил приближавшегося и, словно что-то чувствуя, внимательно смотрел на него. Подойдя, Богров дважды выстрелил в Столыпина из браунинга. Пули попали ему в руку и в грудь. В зале не сразу поняли, что произошло. Богров повернулся и побежал. Его схватили почти у выхода, где он едва избежал линчевания.

Тяжело раненного Столыпина отвезли в больницу. Поначалу казалось, что всё обойдётся, доктора давали хороший прогноз. Затем состояние Петра Аркадьевича резко ухудшилось. Он скончался 5 сентября 1911 года. Ему не было ещё и 50 лет. Следствие по делу Богрова прошло быстро — некоторые усматривали в этом стремление что-то скрыть. Военный суд приговорил убийцу к смертной казни, и утром 11 сентября он был повешен на Лысой горе. Даже палач был поражён безразличием и равнодушием Богрова перед смертью. Когда ему уже набросили на шею петлю, он спокойно спросил: «Голову поднять повыше, что ли?»

Может быть, и правы были члены сенаторских комиссий М. И. Трусевич и Н. В. Шульгин, которые пришли к выводу, что действия столпов охранного отделения — П. Г. Курлова, М. Н. Веригина, А. И. Спиридовича и Н. Н. Кулябко, — приведшие к убийству премьер-министра Столыпина, диктовались не преступным заговором, а были проявлением такой некомпетентности, которую трудно предположить.

Царь прекратил следствие по делу Курлова и других. Возможно, он не желал шумихи, компрометирующей «охранку», а с нею — и сам режим. Только Кулябко получил несколько месяцев тюрьмы. Другие заплатились лишь отставкой. После Февральской революции и падения монархии учреждённая Временным правительством Чрезвычайная комиссия намеревалась возбудить дело об убийстве Столыпина. Не успела...

КТО ОН, БОГРОВ?

Казалось бы, киевское Охранное отделение (его начальник — полковник Н. Н. Кулябко), а также прибывшее «охранное» начальство из других городов и Петербурга (товарищ министра внутренних дел, командир Корпуса жандармов генерал